

Семантическая репрезентация деструктивного опыта в системе психической самоорганизации личности

Дьяков С.И.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология», Севастопольский государственный университет (ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»), Крым, Россия, sd333@mail.ru

В аспекте проблемы бессознательной психической самоорганизации личности определена тематика базовой семантики проблемного индивидуального опыта, отражающая структуру подсознательных деструктивных комплексов тревоги. Представлен анализ психодинамического подхода в психотерапии и моделировании бессознательной психической самоорганизации в контексте синергетики и субъектности личности. Рассмотрен семантический подход в моделировании сознания и неосознаваемых структур. В экспериментальном исследовании выявлены шесть тем базовой семантики тревоги: «Я боюсь»; «Обидно», «Я не могу», «Я не знаю», «Стыдно» «Я виноват». Выделенные темы отражают семантические комплексы тревоги как природного свойства бессознательной психической самоорганизации личности. Исследование подтверждает центральную роль социокультурных факторов в семантической репрезентации и категоризации опыта, интегрирующих систему психической самоорганизации личности. В семантике проблемного опыта не были обнаружены темы агрессии, что позволяет исключить бессознательную агрессию как базальный фактор семантики.

Ключевые слова: семантические темы проблемного опыта; подсознательные деструктивные комплексы; базовая семантика тревоги; психическая самоорганизация, субъектность личности.

Для цитаты:

Дьяков С.И. Семантическая репрезентация деструктивного опыта в системе психической самоорганизации личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 123–137. doi: 10.17759/cpse.2019080408

For citation:

Diyakov S.I. Semantic Representation of Destructive Experience in the System of Mental Self-Organization of Personality [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia], 2019, vol. 8, no. 4, pp. 123–137. doi: 10.17759/cpse.2019080408 (In Russ., abstr. in Engl.)

*...Таково и наше думание.
Все равно ничего, кроме ассоциации, в нем нет.*

И.П. Павлов [9, с. 369]

Введение

Психоаналитическое наследие дает свои плоды и остается актуальным в современном мире психотерапии [12]. Проблема бессознательного сегодня может быть представлена в ракурсе современной методологической парадигмы синергетики [13] и раскрыта в модели психической самоорганизации (ПСО) [5]. Известно, что бессознательные структуры психики человека содержат, наряду с наследственными и генетическими паттернами опыта, материал накопленного им личного опыта познания и взаимодействия с миром. Последние выступают как когнитивные семантические сети индивидуальной памяти [19] и отражают паттерны и программы подсознательной (в терминологии З. Фрейда [20]) автоматизированной ПСО личности. Данная сфера рассматривается в нашем исследовании. В результате проблемного личного опыта в подсознательной сфере создается конфликтные адаптивные, потребностно-смысловые конструируемые, деструктивно влияющие на сознательную сферу ПСО личности.

Моделирование бессознательной ПСО личности. Мы рассматриваем личность в контексте психического отражения реальности как систему ПСО, формируемую в пространстве самоорганизации жизни. ПСО включает сознательный и бессознательный уровни (сферы). Промежуточная между ними сфера подсознательной ПСО включает в себя механизмы индивидуального опыта, выступающие как психические автоматизмы (по П. Жане [6]): конструктивных – ранее сознательно освоенных и произвольно управляемых действий и поступков (составляющих содержание какой-либо деятельности или поведения как целенаправленного акта, в результате которого индивид получает желаемый продукт удовлетворения потребности), а также позитивных неосознанных впечатлений (непосредственных, чувственных, особенно связанных с детским возрастом, положительно подкрепляемых реакций на какой-либо стимул) и деструктивных – негативных реактивных впечатлений, которые выступают как подсознательные комплексы, вызывающие к действию психологические защиты и формирующие психические нарушения [20] и др. Последние выступают как факторы неадекватного реагирования на соответствующий стимул (проблемный), блокирующие или вносящие девиацию в ПСО и проявления активности.

В целом разные формы установок, навыков и привычек отражают как положительные, так и отрицательные (в аспекте удовлетворения потребностей и реализации ценностей и смыслов) семантические характеристики индивидуального опыта личности. Оценка значения вещей и их значимости, смысла, т.е. семантики, имеет относительный, часто ситуативный характер (ситуация выступает первым звеном в структуре поступка В.А. Роменца, поводящая к формированию канона и идеологии [10]). Данные семантические конструкты опыта раскрываются целостно через сознательные и бессознательные структуры личности, определяют особенности ее психической самоорганизации (ПСО), а, следовательно, характер поступков и перспективу жизнедеятельности. Поэтому наследственно-генетической базой ПСО индивида являются врожденные семантические паттерны опыта, составляющие бессознательные механизмы и программы ПСО и определяющие произвольные функции саморегуляции состояний, поведения и деятельности. В личной жизни, особенно в детстве, когда мало опыта, эмоционально насыщенные ситуации формируют семантики непосредственно и произвольно, что создает первичные подсознательные структуры. Механизмы сознания, в свою очередь, играют консолидирующую роль в ПСО личности как субъекта жизни (синергетика [2; 5]) и отражают вербальные семантики категоризации опыта относительно идей мира. Следовательно, семантика опыта выступает критерием моделирования ПСО.

Семантика сознания – довольно популярная сегодня тема (Е.Ю. Артемьева [1] и др.), хотя и не разработанная до конца, особенно в аспекте субъектности [5]. Однако семантика неосознаваемых механизмов ПСО представляет новизну в контексте позиции Московской школы МГУ, определяющей значение как вербализованный феномен социального понимания. Поэтому актуально исследование семантических факторов и механизмов глубинных пластов психической системы. В данной связи исследователи указывают на необходимость определения факторов и механизмов, открывающих возможность актуализации личностных смыслов и предлагают техники психоаналитического и медитативного характера (Н.П. Бусыгина [3]; И.Б. Гриншпун [4]; Х. Лейнер (Leyner) [15]; Дж. Рубин (J. Rubin) [17]; Х. Томэ (Tome) [11]).

Неосознаваемые структуры и механизмы (как позитивные, так и негативные) выстраиваются в семантические пространственно-временные цепи и сплетаются в системные информационно-смысловые сети *значений–отношений (смыслов–мотивации)* субъекта с миром (отражают ценностно-смысловую нагрузку тех или иных вещей мира и жизни) и составляют структуры диспозиций, т.е. предрасположенность субъекта поступать определенным образом (своеобразные программы действий-поступков). Следовательно, и положительные (конструктивные), и отрицательные (деструктивные) структуры и механизмы (паттерны) опыта составляют *информационно-смысловую систему* ПСО (сознательный и бессознательный уровни), мотивирующие и направляющие субъекта в его жизнедеятельности. Данная система складывается информационно и самоорганизованно, следовательно, по *семантическому принципу*. В системе ПСО паттерны опыта индивида имеют семантическую полярность и могут вызывать когнитивный диссонанс, а, следовательно, смысловые понятийные

и мотивационные барьеры и противоречия. Поэтому деструктивные подсознательные психические механизмы (дисфункциональные комплексы индивидуального опыта) выступают семантическими факторами, нарушающими оптимальность ПСО активности, гармоничную адаптивность и самореализацию личности в жизненном пространстве. Варианты преодоления (развития способности) и компенсации (замещения) могут быть конструктивные и деструктивные [7], в том числе и революционные, кардинальные преобразования идеологии (В.А. Роменец: драма–катарсис–соблазн–канон [10]) и свойств личности.

Проблема ПСО личности актуализирована парадигмой *субъекта*, в аспекте самоорганизации жизнедеятельности личности [5]. *Субъектность* раскрывается в развитии способностей оптимальной адаптации и самореализации, а также в «трансформации» деструктивных комплексов проблемного опыта, преодолении психологических защит [5; 14; 20]. В результате автономного действия глубинно-психологических механизмов проблемный опыт непроизвольно запускает формирование «психических защит» и становление «травматической тревоги» (по З. Фрейду [20]), а также по теории негативной компенсаторной мотивации А. Адлера [7]). Эти механизмы имеют семантическую природу смысловой целесообразности, и они блокируют и искажают активность субъекта в его личностной самореализации.

Гипотеза: подсознательные деструктивные комплексы проблемного опыта личности создают семантический диссонанс в ее ПСО. Они отражают бессознательное свойство тревоги и их можно семантически классифицировать по тематике. Аналоги: символическая тематика мотивов Х. Лейнера (луг, ручей и т.д.); апперцептивные темы опыта Г. Мюррея (реальность, будущее, фантазии) и др. Но данные модели либо символичны, либо не отражают тематику деструктивной семантики опыта личности. На тревогу как базовое бессознательное свойство указывают ведущие исследователи: К. Хорни (базальная тревога) [14]; З. Фрейд (сигнализирующая и травматическая виды тревоги) [20]; Р. Мэй (смысл тревоги) [16].

Цель исследования – выявить базовую семантическую тематику подсознательных деструктивных комплексов, выступающих как механизмы непроизвольной ПСО и саморегуляции и как факторы, блокирующие и нарушающие осознанную ПСО и волеизъявление субъекта. Также поставлена задача разработки экспериментальной процедуры для определения и подтверждения данной тематики.

Организация эмпирического исследования

Исследование проводилось на протяжении 2008–2018 годов. **Выборка** включала 483 человек в возрасте от 17 до 55 лет (пациенты разных профессиональной и жизненной направленности и социального статуса). Основная группа исследуемых (n=212, 44 мужчины и 168 женщин) работала в клинических условиях психотерапии (Научно-практический центр «Биологическая медицина», Симферополь). Для определения тематики деструктивных семантических

комплексов, структурирующих подсознательную ПСО личности, были использованы **методы и методики**: интроспекция и ассоциативный эксперимент объединены в метод тематических ассоциаций, который составляет основу оригинальной методики «Тематический семантический процессинг» (ТСП) [5]; методика «Шкала эмоциональных тонов» Р. Хаббарда (ШЭТ, см. Приложение 1).

Процедура. При исследовании в клинических условиях вначале испытуемого просили с помощью ШЭТ определить актуальное состояние, свойственное ему в последнее время. По мере того, как он определял свой эмоциональный тон, у него возникали *ассоциации проблемных событий личного опыта*, что давало возможность перейти к определению темы. На фоне проблемных ассоциаций событий опыта, испытуемого просили обозначить словами тему, отражающую его проблему (связанную с выбором по Шкале эмоциональных тонов). Для образца предлагалась тема (например, «Вы боитесь или чувствуете обиду»). В последующих процедурах по мере накопления тем испытуемым предлагались примерные темы, записанные на листе бумаги (сначала 2-3, рис. 1). Испытуемый, чувствуя свою проблему, определял тему, выбрав ее из представленных, конкретизировав или назвав другую собственную тему.

Далее проводился ТСП, который занимал 2-3 часа, в котором терапевтически прорабатывалась и уточнялась семантика данной темы. Отмечена особая продолжительность проведения сессии: первая – от двух до трех часов (при сложном синдроме), последующие обычно – не менее двух часов (очень редко менее двух часов, при эмоциональной лабильности и высокой открытости). Подробная процедура и принципы ТСП рассмотрены в нашей работе [5]. Пациента настраивают на доверительность и наиболее полное раскрытие ассоциируемых событий. В начале или по ходу сессии пациенту объясняют, что он может не говорить о том, какая картина (сцена) возникла у него в сознании (например, интимного характера), важно наблюдать ее, не переключаться на другую и проговаривать вслух характеристики модальностей внутреннего восприятия.

Также пациента просят наблюдать свои ощущения и физиологические реакции, а также возникающие по ходу сессии мысли, чувства, впечатления. Пациент сидит в кресле. Начало сессии, терапевт: «Мы начинаем нашу первую сессию. Закройте глаза, чтобы вы могли наблюдать картины событий, которые будут возникать у вас в психике. Все, что будет происходить во время сессии, вы будете осознавать и помнить (чтобы дать понять, что не будет использован гипноз). По окончании сессии я скажу слово “отменяю”, чтобы отменить всякие негативные внушения, которые могут произойти с моей стороны».

Затем психотерапевт говорит: «Назовите тему (например, “я боюсь”). Просто наблюдайте. Что вы видите? Где вы? Что происходит?» Пациент отвечает, например, «Я дома. Я сижу на кухне» и выделяет характеристики возникшей тематической ассоциации, т.е. описывает, как представлена картина: видит ли он ее вообще или видит темный фон, она цветная или черно-белая. Как правило, проблемная картина (образ) не раскрывается пространно, а представлена фрагментарно или вообще отсутствует на «внутреннем экране».

Далее психотерапевт настраивает пациента на то, что чем больше тот будет говорить о происходящем (отмечаем конфиденциальность процедуры), тем больше он раскроется и тем больший эффект освобождения произойдет в результате. Не надо вносить свои объяснения и заключения по поводу происходящего в сессии. Психотерапевт ведет и удерживает внимание пациента на проблемной теме. Они вместе с пациентом наблюдают появление и смену сцен, образов и мыслей, раскрывающих связи и сущность проблемы. Психотерапевт задает вопросы: «Что означает эта реакция, когда вы вздрогнули? Что значит этот образ?», т.е. что значит то или иное происходящее в текущий момент действие, ощущение, мысль, образ, впечатление, побуждение. Это позволяет пациенту способом непосредственного наблюдения-воспоминания осознано рассмотреть событие (взрослым взглядом относительно прошлого, детства), определить связи и отношения между событиями.

После этого психотерапевт просит клиента назвать тему: «Назовите тему. Я буду просить вас постоянно на протяжении сессии называть тему, чтобы вы могли удерживать ее и углубиться в нее, чтобы найти истоки проблемы. Чувствуйте эту тему. Что происходит?» Пациент описывает возникшую картину воспоминаний. Обычно достаточно скоро (5–20 мин.) наступает момент острого переживания прошлого события пациентом. Возникает эмоциональная реакция тревоги, пациент плачет, порой навзрыд. Бывают пациенты, которые наблюдают символические картины. Это могут быть сцены, связанные с архаикой прошлых веков (монахи, князья и т.п.) или духовные сцены (ангелы и т.п.). Могут быть фон и узоры (цвет и узоры изменяются в аспекте яркости). Однако в процессе сессии наблюдаются тревога, негативные реактивные состояния организма; происходит разрядка, пациент находит в этих сценах ответы на свои вопросы и к концу сеанса чувствует облегчение (если проблема не связана с финансовыми долгами или неизлечимой болезнью). Психотерапевт поддерживает пациента во время острой эмоциональной реакции и просит потерпеть, чтобы дать возможность проблемным переживаниям разрядиться.

В ходе описания пациентом болезненной сцены психотерапевт просит также описать возникшие ощущения, связанные с напряжением и тревогой. «Просканируйте свое тело: ощущения в ногах, стопа, голень обеих ног, бедра, живот, грудь, сердце, область поясницы, позвоночник – нижняя часть, средняя, верхняя, шея, голова, руки – от пальцев вверх к плечам». Психотерапевт дает установку, чтобы пациент говорил по ходу сессии, если у него возникают определенные ощущения, а также мысли, чувства и образы. Это необходимо для того, чтобы пациент замечал, как меняются в процессинге его психические и физиологические реакции на стимулы, которые выступают в начале сессии как проблемные. В конце сессии проблемные переживания и ощущения проходят – это является сигналом для окончания сессии. Очень редко удается за полтора часа работы достигнуть состояния спокойствия и расслабленности при интроспекции пациентом в конце сессии проблемных событий, которые вскрылись в начале и по ходу сессии. Может наблюдаться эффект диссоциации. Пациент видит картины не своими глазами, а смотрит как бы со стороны. Это связано с травматическими сценами опыта, болезненными для переживания. Мы не проводим сессии продолжительностью более трех часов. При затянувшемся сеансе, чтобы закончить сессию, можно

переключить внимание и сознание пациента на нейтральную тему и предложить релаксационные и дыхательные упражнения. Оставшиеся симптомокомплексы снимаются на следующей сессии.

Результаты исследования

Список тем, который приведен ниже, составляет конечный вариант семантики основных проблемных тем опыта жизнедеятельности личности, которые отражаются как деструктивные семантические (смысловые) комплексы его подсознательной (связаны с индивидуальным опытом) ПСО (рис. 1).

Рис. 1. Базовая семантическая тематика подсознательных комплексов тревоги

Представленные темы были выделены в клинической группе (n=212). Список тем собрался в 6 вариантов достаточно быстро, уже после 30 процедур. Далее испытуемые могли уже выбирать из данных шести свою проблемную тему (с возможностью добавить свою тему). Курс психотерапии (3-5 сессий) позволял пройти все актуальные темы. Дополнительное исследование подтвердило данный набор тем. Испытуемым была представлена сокращенная процедура ТСП в групповом варианте работы со студентами по 15–25 чел. (n=250, 18–21 лет). Респондентам также предлагалось (на основе возникших ассоциаций в ходе оценки эмоционального тона по ШЭТ) почувствовать свою проблему и назвать тему, выбрав ее из нескольких представленных (в начале 2-3, затем, в результате накопления, из шести), конкретизировав или назвав другую собственную тему. Также отдельной группе испытуемых (n=70) в ходе тренинга психической саморегуляции предлагалось закрыть глаза на 3-5 минут и представить то, что их беспокоит,

и определить семантику темы своей проблемной переживаемой ситуации, а затем открыть глаза и записать тему. Потом проводился тренинг психической саморегуляции. Для образца так же использовались данные 6 тем для ориентации (с возможностью их изменить или добавить). Мы снова находили подтверждение этим 6 темам. Фиксировалась только актуальная тема, первая в ассоциациях. Чаще всего выбирались темы «Я боюсь», «Обидно», менее «Не знаю», другие реже. Специфика тем показывает, что они отражают семантику морально-этических конструктов культуры общества, относительно которых личность строит свою идентификацию и императивность которых создает проблематику жизнедеятельности в аспекте дихотомии «моя воля – воля общества» [5].

В исследовании также участвовала группа респондентов эзотерической ценностно-смысловой направленности (n=18). У них мы не нашли разницы в тематике проблемной семантики. Различия данной группы состояли в том, что испытуемые в ТСП часто наблюдали эзотерические, мистические, т.е. символические ассоциативные сцены (ангелы и, себя в облике монаха и т.п.), чего не наблюдалось у лиц реалистичной направленности (клиническая группа). Их тревога также связана с проблемными событиями реальности. Отдельный случай, в сессии психодрамы, поднял у двух участниц новую тему «я жалею» («что не смогла защитить»; «не могла больше общаться»), связанную с утратой близких. Но дальше эта тема влилась в базовую, первичную тему «я виновата» (не смогла помочь), которая явилась причиной возникновения проблемного паттерна.

Актуален факт, что в подсознательной семантике проблемного опыта не были обнаружены темы агрессии типа: «я убью», «я хочу убить», что позволило бы отнести бессознательную агрессию к базальной, первичной семантике (Ч. Дарвин, З. Фрейд и др. [18]). Отсюда представляет интерес обследование лиц с преступной направленностью. Вероятно, это связано с тем, что темы агрессии также имеют под собой причины (тревога вызывает разные реакции: от агрессии до депрессии) разрушить что-то, кого-то потому, что обидно, страшно потерять что-либо, невозможно так жить. В одном консультативном случае у респондента, молодой женщины, был вскрыт мотив «я хочу кого-нибудь убить». Это была скрытая агрессия, которая являлась следствием проблемной семантики ее личной жизни, так сказать, комплекс «старой девы». В основе темы проблемы тревоги: «не могу», «не знаю», потребность исправить сложившееся положение и предшествующие причины его (у нее – это родительское влияние), «боюсь остаться одна» и т.п. Все выделенные нами темы отражают семантику тревоги. Следовательно, основой бессознательной ПСО является тревога (базальная тревога по К.Хорни [14]; у З. Фрейда – сигнальная тревога, природная и травматическая тревога, вторичная [20]), которая сигнализирует о потребности, удовлетворение которой может осуществляться разными путями и способами (агрессивными, эзотерическими, мазохистскими) и предполагать различную смысловую направленность в ПСО и самоорганизации жизни. Исследование, проведенное с испытуемыми систематически практикующими раджа-йогу (n=3 в возрасте 27, 48, 50 лет), способных контролировать свои мыслепотоки и выключать актуальность проблемных «мирских» тем, показало, что темы тревоги и деструктивные комплексы продолжают составлять семантическую нагрузку их жизни

и пробуждаются, если направить на них сознание. Они также болезненно переживают их в сессии ТСП, а их вытесненные проблемы требуют отреагирования.

Курс терапии начинается с самой актуальной темы. Часто это тема «Я боюсь» или «Обидно», реже – «Не знаю», «Не могу», другие «Стыдно», «Виноват» – еще реже. Одна конкретная тема составляет каждый сеанс. Тема захватывает обычно один, редко два сеанса. Но если тема особо актуальная (например, тема «Я боюсь» при ПТСР пациента участника боевых действий в Афганистане), травматическая, она может продолжаться 5 сеансов, возможно более.

Выводы

Результаты исследования показали законченность данного набора тем. Выявлена определенная специфика выбора тем: 1) при высокой интенсивности тревоги актуализируется тема «Я боюсь»; 2) часто актуальна тема «Обидно», реже – «Не могу», «Не знаю»; реже всего – «Стыдно», «Виноват». Также специфика отмечена в продолжительности проведения сессии: первая – от двух до трех часов (при сложном синдроме), последующие обычно – не менее двух часов. Следовательно, выделенные темы отражают основные жизненные проблемы и определяют деструктивные семантические комплексы подсознательной ПСО личности, выстраиваемые на основе тревоги как природного свойства бессознательной ПСО. Проблемные темы отражают значение и смысловую репрезентацию негативных событий личного опыта, вызывающих когнитивно-семантический дисбаланс в ПСО личности и препятствующих сознательному волеизъявлению субъекта.

Исследование, на наш взгляд, подтверждает центральную роль социокультурных факторов в семантической репрезентации опыта, интегрирующих систему ПСО личности: 1) семантика речи как знаковой системы кодирования и транслирования знания в поле человеческого познания и самоидентификации (отдельная сессия имеет отдельную тему, вербализуемую лингвосемантическими паттернами и структурой опыта); 2) семантика морально-этических конструктов культуры общества, определяющих личностную социокультурную категоризацию ПСО и жизнедеятельности (тематика комплексов тревоги отражает императивность аспектов нравственности личности). Таким образом, получил обоснование семантический принцип ПСО личности.

В исследовании не были обнаружены в семантике проблемного опыта темы агрессии, например, «Я хочу убить». Вероятно, бессознательная агрессия не является базальным фактором семантики. Однако для уточнения этого феномена представляется интересным провести обследование лиц с насильственной преступной мотивацией.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-16-00066.

Литература

1. *Артемяева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
3. *Бусыгина Н.П.* Психоаналитическая интерпретация как исследовательская стратегия // Консультативная психология и психотерапия. 2012. Т. 20. № 4. С. 60–84.
4. *Гриншпун И.Б.* История психотерапии. Лекция 2. Предыстория психотерапии (Часть II) // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 1. С. 151–168. doi:10.17759/cpp.2016240110
5. *Дьяков С.И.* Психосемантика самоорганизации человека как субъекта жизни. Основы психологии субъекта: монография. СПб.: Проспект Науки, 2016. 680 с.
6. *Жане П.* Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека. СПб.: Наука, 2009. 500 с.
7. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапия: учеб. для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 672 с.
8. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
9. *Павлов И.П.* Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. 423 с.
10. *Роменец В.А.* Історія психології ХХ століття: Н/п. / Роменец В.А., Маноха І.П. Київ: Либідь, 2003. 990 с.
11. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. в 2-х томах. М.: Прогресс, 1996. 1352 с.
12. *Garon J.* Heritage of a Psychoanalytic Mind – Ferenczi International Conference in Toronto // The American Journal of Psychoanalysis. 2017. Vol. 77. № 3. P. 313–324.
13. *Haken G.* Erfolgsgeheimnisse der Natur: Synergetik, die Lehre vom Zusammenwirken. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995. 320 p.
14. *Horney K.* Neurosis and Human Growth: The Struggle Toward Self-Realization. New York: W.W. Norton & Co, 1950. 240 p.
15. *Leuner H.* Materialien zur Psychoanalyse und analytisch orientierten Psychotherapie. Band IV. Heft 2. Verl. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen und Zürich, 1978. P. 166–187.
16. *May R.* Meaning of anxiety. New York: Ronald Press Co, 1950. 412 p.

Дьяков С.И. Семантическая репрезентация
деструктивного опыта в системе психической
самоорганизации личности
Клиническая и специальная психология
2019. Том 8. № 4. С. 123–137.

*Diyakov S.I. Semantic Representation of Destructive
Experience in the System of Mental Self-Organization
of Personality
Clinical Psychology and Special Education
2019, vol. 8, no. 4, pp. 123–137.*

17. *Rubin J. Meditative psychoanalysis // The American Journal of Psychoanalysis. 2016. Vol. 76. № 1. P. 54–70. doi.org/10.1057/ajp.2015.59*

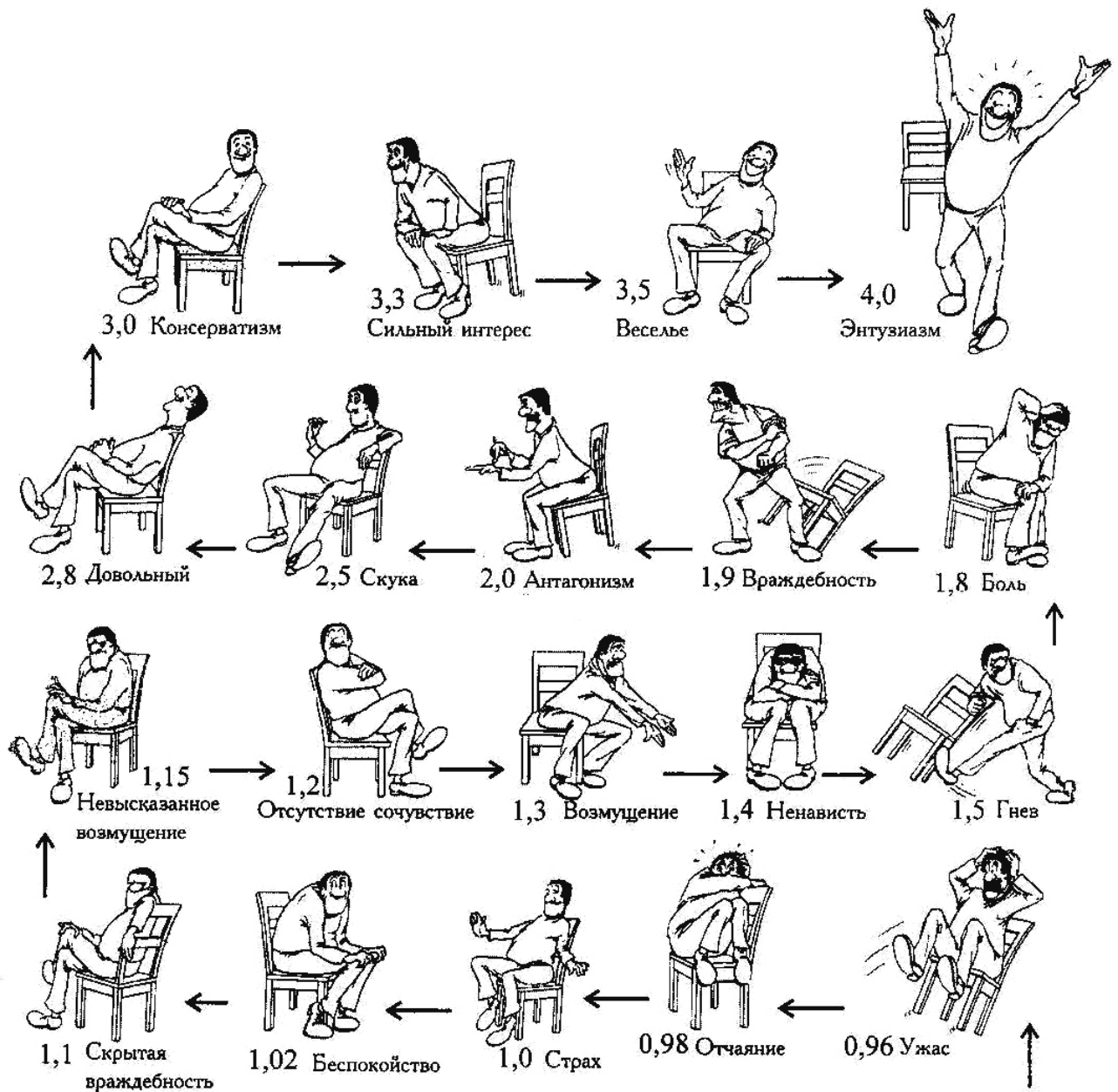
18. *Salloway F.J. Freud, Biologist of the Mind. Beyond the psychanalytic Legend. NewYork, Basic Books, 1979. 275 p.*

19. *Smythies J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. By F.J. Varela, E. Thompson and E. Rosch. (Pp. 308; illustrated; £22.50.) MIT Press: Cambridge, Mass. 1991. Psychological Medicine. 1993, Vol. 23, № 2. P. 529-532. doi:10.1017/S0033291700028646*

20. *Über Psychoanalyse. Fünf Vorlesungen, gehalten zur 20jährigen Gründungsfeier der Clark University in Worcester, Mass., September 1909, Leipzig und Wien: G.W., Bd. 1910, P. 1–60.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шкала эмоциональных тонов

Semantic Representation of Destructive Experience in the System of Mental Self-Organization of Personality

Diyakov S.I.,

*PhD in Psychology, associate professor, chair of psychology, Sevastopol State University,
Crimea, Russia, sd333@mail.ru*

In the aspect of the problem of unconscious mental self-organization of a personality, the subject of the basic semantics of problematic individual experience is determined, which reflects the structure of subconscious destructive anxiety complexes. The analysis of the psychodynamic approach in psychotherapy and modeling of unconscious mental self-organization in the context of synergetics and personality subjectivity is presented. The semantic approach to modeling of consciousness and unconscious structures is considered. The pilot study identified six topics of the basic semantics of anxiety: "I'm afraid"; "It's a shame," "I can't," "I don't know," "It's a shame." "It's my fault." The highlighted topics reflect the semantic complexes of anxiety as a natural property of the unconscious mental self-organization of a person. The study confirms the central role of sociocultural factors in the semantic representation and categorization of experience, integrating the system of mental self-organization of a person. The topics of aggression were not found in the semantics of problematic experience, which makes it possible to exclude unconscious aggression as a basal factor of semantics.

Keywords: semantic topics of problematic experience; subconscious destructive complexes; basic semantics of anxiety; mental self-organization, personal agency.

Funding

The work conducted with financial support of the Russian Foundation of Basic Research, project No. 16-16-00066.

References

1. Artem'eva E.YU. *Osnovy psihologii sub"ektivnoj semantiki [Fundamentals of the psychology of subjective semantics]* / I.B. Hanina (ed.). Moscow: Nauka; Smysl, 1999. 350 p. (In Russ.).

2. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [The Great Psychological Dictionary] / B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (eds.). Moscow: Prajm-Evroznak, 2003. 672 p. (In Russ.).
3. Busygina N.P. Psihoanaliticheskaya interpretaciya kak issledovatel'skaya strategiya [Psychoanalytic interpretation as a research strategy]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Advisory Psychology and Psychotherapy]*, 2012, no. 4, pp. 7–18. (In Russ, abstr. in Engl.).
4. Grinshpun I.B. Istoriya psihoterapii. Lekciya 2. Predystoriya psihoterapii (chast' II) [History of psychotherapy. Lecture 2. Background of psychotherapy (Part II)]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Advisory Psychology and Psychotherapy]*, 2016, vol. 24, no. 1, pp. 151–168. (In Russ, abstr. in Engl.).
5. D'yakov S.I. Psihosemantika samoorganizacii cheloveka kak sub"ekta zhizni. Osnovy psihologii sub"ekta [Psychosemantics of human self-organization as a subject of life. Fundamentals of the psychology of the subject]. Saint-Petersburg: Prospekt Nauki, 2016. 680 p. (In Russ.).
6. Zhane P. Psihicheskij avtomatizm. Eksperimental'noe issledovanie nizshih form psihicheskoy deyatel'nosti cheloveka [Mental automatism. An experimental study of the lower forms of human mental activity]. Saint-Petersburg: Nauka, 2009. 500 p. (In Russ.).
7. Karvasarskij B.D. Psihoterapiya [Psychotherapy]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2002. 672 p. (In Russ.).
8. Luriya A.R. Osnovnye problemy nejrolingvistiki [The main problems of neurolinguistics]. 3 ed. Moscow: Librokom, 2009. 256 p. (In Russ.).
9. Pavlov I.P. Refleks svobody [Reflex of freedom]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 423 p. (In Russ.).
10. Romenec' V.A., Manoha I.P. Ictopiya psihologii XX stolittya [History of Psychology of the XX Century]: navchal'nyy posibnyk [educational allowance]. Kiev: Libid', 2003. 990 p. (In Ukr.).
11. Tomeh X., Kehkhele X. Sovremennyj psihoanaliz [Modern psychoanalysis]. Moscow: Progress, 1996. (In Russ.). 1352 p.
12. Garon J. Heritage of a Psychoanalytic Mind – Ferenczi International Conference in Toronto. *The American Journal of Psychoanalysis*. 2017, vol. 77, no. 3, pp. 313–324.
13. Haken G. Erfolgsgeheimnisse der Natur: Synergetik, die Lehre vom Zusammenwirken. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995. 320 p.
14. Horney K. Neurosis and Human Growth: The Struggle Toward Self-Realization. New York: W.W. Norton & Co, 1950. 240 p.

15. Leuner H. Materialien zur Psychoanalyse und analytisch orientierten Psychotherapie. Band IV. Heft 2. Verl. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen und Zürich, 1978, pp. 166–187.
16. May R. Meaning of anxiety. New York: Ronald Press Co, 1950. 412 p.
17. Rubin J. Meditative psychoanalysis. *The American Journal of Psychoanalysis*, 2016, vol. 76, no. 1, pp. 54–70. doi.org/10.1057/ajp.2015.59
18. Salloway F.J. Freud, Biologist of the Mind. Beyond the psychoanalytic Legend. New York: Basic Books, 1979. 275 p.
19. Smythies J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. *Psychological Medicine*, 1993, vol. 23, no 2, pp. 529–532. doi:10.1017/S0033291700028646
20. Über Psychoanalyse. Fünf Vorlesungen, gehalten zur 20jährigen Gründungsfeier der Clark University in Worcester, Mass., September 1909, Leipzig und Wien: G.W., Bd. 1910, no. 8, pp. 1–60.